

Очки фанатов. Жун Цзюэ внимательно изучил системную панель. Раньше такие вкладки, как «Репутация», «Функции», «Навыки» и «Финансы», были серыми и недоступными, но теперь раздел «Репутация» мягко светился.

Жун Цзюэ открыл его и увидел одинокую строчку с индикатором прогресса: «Очки фанатов (кошачья форма): 2/100». Он понимал, что сотня — это цель задания, но эти двое... Очевидно, первым был Тан Фэйбай, а вторым — Сунсун.

Это казалось невероятным. Он же только что приложил Сунсуна когтистой лапой — как тот умудрился записаться в его фанаты? Где же хваленая кошачья надменность и своенравие? Сценарий явно свернул куда-то не туда.

Жун Цзюэ покосился на Сунсуна, который осторожно подбирался поближе, и почувствовал себя так, словно столкнулся с инопланетянином. Однако, как бы он ни сомневался, Система врать не стала бы. Более того, Сунсун делом доказал свою преданность: сначала он устроил Жун Цзюэ экскурсию по квартире, чтобы тот привык к обстановке.

Когда с ознакомлением было покончено, Сунсун принялся демонстрировать свои сокровища. Всё, что у него было — еда, игрушки, лежанки — он выставил напоказ перед Жун Цзюэ. Сначала тот решил, что приятель просто хвастается, и даже мысленно посетовал на его ребячество. Но Сунсун, закончив презентацию, простодушно улыбнулся и промурлыкал:

— Принцесса, тебе что-нибудь приглянулось? Если нравится — бери, считай это моим подарком в честь знакомства.

От этих слов Жун Цзюэ не знал, то ли возмущённо встопорщить шерсть, то ли растрогаться. В итоге он лишь неловко замер на месте. Шерсть дыбилась из-за дурацкого имени, а в душе шевелилась жалость — ну нельзя же быть таким простофилей!

— Не нужно, Фэйбай и так купил мне кучу игрушек. И на будущее: не называй меня Принцессой. Моё имя — Жун Цзюэ.

Войдя в дом, он услышал, как Сунсун обращается к хозяину просто по имени, и решил последовать примеру. Правда, произнеся «Фэйбай» вслух, он ощутил странное ускорение пульса. Слишком интимно, непривычно.

— Но ведь это имя дал тебе Хозяин, — замялся Сунсун. В его мире Тан Фэйбай был богом, небом и смыслом жизни, поэтому вопрос имён находился исключительно в ведении «верховного божества».

— Мне плевать. Я не... не кошка, в конце концов! Если ещё раз назовёшь меня так — пеняй на

себя, разделаю под орех.

Раз убеждения не помогали, Жун Цзюэ решил перейти к угрозам. С Тан Фэйбаем этот номер не прошёл бы, но спасти одного непутёвого сородича от заблуждений ещё было можно.

Сунсун вжал голову в плечи и часто закивал:

— Хорошо... Жун... Жун Цзюэ. А как ты встретил Хозяина?

Жун Цзюэ лениво развалился на кошачьем дереве, подергивая кончиком хвоста, и вкратце поведал свою историю. Когда он закончил, Сунсун посмотрел на него с таким глубоким сочувствием, что Жун Цзюэ стало не по себе. Пёс, а не кот — честное слово. Тот подошёл ближе, оперся передними лапами о полку и, вытянув язык, от души лизнул Жун Цзюэ, щедро обдав его слюной.

Жун Цзюэ, только что пребывавший в блаженной неге, мгновенно одеревенел. В следующую секунду он наотмашь вlepил Сунсуну оплеуху. Этот увалень совершенно не учился на своих ошибках!

Он не то чтобы брезговал — теперь, когда он сам стал котом, странно было бы жаловаться на чужую гигиену. Тем более Сунсун был домашним холёным котом, это скорее ему стоило бы воротить нос от бывшего бродяжки. Но Жун Цзюэ просто не выносил ощущения мокрой, слипшейся шерсти. Противно до тошноты.

Сунсун, ошарашенный ударом, присел на задние лапы и невинно захлопал глазами, искренне не понимая, чем прогневал красавца-соседа.

Жун Цзюэ неловко шевельнул усами и проворчал:

— Не лижи меня без спроса. Я к такому не привык.

Сунсун озадаченно мяукнул в ответ, но спорить не стал. Наверное, уличные коты и впрямь устроены иначе. Найдя для себя оправдание, он снова принялся кружить вокруг нового друга.

Тут-то Жун Цзюэ и осознал, что Сунсун — невыносимый болтун! Видимо, раньше, когда Тан Фэйбая подолгу не бывало дома, тот страдал от одиночества. Теперь же, когда появился сожитель — пусть и колючий на ощупь, — восторг Сунсуна не знал границ.

Его поведение всё больше напоминало повадки собаки. Жун Цзюэ никогда не встречал котов с таким ангельским терпением: сколько его ни задирай, он только глупо улыбается и не помнит зла. Совершенно нетипичный представитель кошачьих. На его фоне сам Жун Цзюэ выглядел куда более аутентичным — капризным, гордым и своенравным.

Когда Жун Цзюэ уже готов был снова пустить в ход когти, чтобы прекратить этот поток бессвязной болтовни, из ванной наконец вышел Тан Фэйбай. При виде него всё раздражение Жун Цзюэ мгновенно испарилось, вытесненное эстетическим восторгом.

Дома, да ещё и в летнюю жару, режиссёр не утруждал себя одеждой, выйдя в одних боксерах. Безупречная, лоснящаяся медовая кожа, рельефные мышцы без капли лишнего жира, идеальные пропорции... Глядя на его лицо, по которому Жун Цзюэ сходил с ума ещё в прошлой жизни, он в очередной раз подумал: быть просто режиссёром для такого мужчины — преступление перед человечеством.

Сунсун при виде хозяина замолчал. Он переводил взгляд с Тан Фэйбая на Жун Цзюэ и обратно. С точки зрения кошачьей красоты Тан Фэйбай был весьма недурственным экземпляром, но... Жун Цзюэ казался ему куда симпатичнее.

Сам же Жун Цзюэ смотрел на мужчину с нескрываемым обожанием. Будь он человеком, Тан Фэйбай наверняка принял бы его за озабоченного фаната и выставил вон, но кот... Коту такая преданность во взгляде прощалась. Режиссёр истолковал это как признак глубокой привязанности.

Тан Фэйбай набросил халат, взял камеру и сделал пару снимков. День был знаменательным, а у него, как у истинного режиссёра и кошатника, была привычка не просто фотографировать питомцев, но и монтировать из этих кадров забавные ролики.

Благодаря отличному вкусу и навыкам съёмки, его аккаунт в вейбо пользовался популярностью. Конечно, большинство подписчиков приходило ради Сунсуна — тот на фото выходил на редкость милым.

Жун Цзюэ, заметив объектив, рефлекторно «включился». Тан Фэйбай не просил его позировать, но профессиональная деформация взяла своё: кот неосознанно выбирал лучшие ракурсы, замирая в самых эффектных позах.

Тан Фэйбай был в восторге. Он и не ожидал, что найдёт настолько фотогеничное животное. Снимать Сунсуна всегда было мукой — половину кадров приходилось удалять из-за его нелепого вида, а этот малыш словно чувствовал свет и композицию.

Вскоре камера заполнилась ворохом превосходных снимков. Просматривая их, Жун Цзюэ тоже втихаря любовался собой: что верно, то верно — кошачье воплощение вышло невероятно изящным. Неудивительно, что бедный Сунсун ходил за ним хвостиком.

Это была не самовлюблённость, а констатация факта. Тан Фэйбай не удалил ни одной фотографии, посчитав это небывалой удачей. Котёнок был безупречен под любым углом, а его глаза на макроснимках напоминали бездонное ночное небо — пугающе красивые и манящие.

Тан Фэйбай подхватил Жун Цзюэ на руки и звонко поцеловал в макушку, после чего

отправился выкладывать пост. Жун Цзюэ чувствовал, что если бы он мог краснеть, то сейчас полыхал бы до кончиков ушей. Поцелуй полуобнажённого красавца... Будь он человеком, он бы уже перешёл в атаку, честное слово.

Сунсун, оставшийся не у дел, обиженно мяукнул. Тан Фэйбай, решив, что тот ревнует, ласково потрепал его за ухом. Только Жун Цзюэ понял истинную причину недовольства приятеля: «Почему Фэйбаю можно тебя целовать, а мне — нет?!»

— Потому что он красивее тебя, — отрезал Жун Цзюэ, проявив свою истинную натуру заядлого эстета. Сунсуну оставалось только уныло распластаться на полу, оплакивая свою любовь, погибшую, не успев расцвести.

Стоило посту появиться в сети, как под ним выросли сотни комментариев. Для режиссёра статус «эксперта по домашним животным» в вейбо был делом довольно странным. Но не успел Тан Фэйбай прочесть отзывы, как мигнуло уведомление о личном сообщении. Писал его старый закадычный друг: «Ого, ещё один кот? Выглядит породисто. Жди меня, скоро буду, пригляжу за вами!»

Тан Фэйбай мгновенно помрачнел. Он меньше всего хотел видеть этого гостя, но знал — если не откроет, тот будет ломиться в дверь до победного.

С мрачным видом он быстро наступал ответ: «Только попробуй притащить своего Сяо Ванба!»

<http://bllate.org/book/17567/1709219>